

Т.Б. Зайцева

**ББК Ш5(2=Р)5-4
УДК 821.161.1**

Т. Б. Зайцева
кандидат филологических наук, доцент

К ВОПРОСУ «ЛЕРМОНТОВ И КИРКЕГОР»

Ключевые слова: Лермонтов, Киркегор, литературная антропология, эстетическая экзистенция

Тема «Русская литература и Киркегор» давно привлекает к себе внимание литературоведов и философов, поскольку оригинальная философия Киркегора, сугубо индивидуальная, *единичная* и одновременно универсальная, позволяет значительно расширить представление о художественно-философских исканиях и открытиях русской литературы [1].

В последнее время внимание многих исследователей привлекает к себе тема «Лермонтов и Киркегор», поднятая в 1941 г. В.В. Перемиловским [6].

В глубокой и интересной статье филолога и культуролога В.И. Мильдона «Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели» [4] мы находим убедительные примеры того, что экзистенциальные искания датского философа шли параллельно с художественными поисками Лермонтова. На первый план в статье выходит экзистенциальная сущность Печорина, не зависящая от социальных условий. Однако исследователь «ограничивает» философию Киркегора лишь «эстетическими» произведениями («Афоризмами эстетика», например), т. е. рамками представлений исключительно об эстетической экзистенции, что вполне объяснимо, если исходить из того, что Лермонтов подвергал анализу именно эстетический образ жизни. Привлекая для сопоставлений с Лермонтовым исключительно «эстетические» произведения Киркегора, автор статьи тем самым ограничивает трактовку образа Печорина «эстетическими» рамками. Представление об эстетической экзистенции становится для исследователя решающим, основополагающим, что противоречит киркегоровской антропологии о трех экзистенциальных модулах.

Многие положения статьи высказаны как будто с точки зрения эстетика в киркегоровском смысле, отсюда и солидарность автора с героем, его восхищение Печориным. Приведем некоторые примеры. «Печорин – первый герой в русской литературе, позволяющий

утверждать: причины того, что происходит с человеком, в нем самом, действительность же – лишь среда, место действия. Что произойдет в этом месте – зависит от человека, он – автор судьбы, творец жизни, подобный божеству. Лермонтовский роман, обезнадеживая человеческое существование, обожествляет человека – такому герою, конечно, тесно среди людей, относящих все на счет окружающего, да и людям с ним тяжело, хотя их к нему тянет, и мужчин, и женщин» [4]. Представляется, что мысль о человеке как хозяине собственной судьбы не только не киркегоровская, но даже не лермонтовская. Эстетическое обожествление собственной личности в корне противоречит киркегоровской концепции общечеловеческого, этического.

Размышляя о поисках смысла жизни лермонтовским героем, В.И. Мильдон пишет: «В “Тамани” натура Печорина обнаруживается впервые – не случайно этим рассказом начинается его дневник: герой ищет в жизни того интереса, который, если воспользоваться <...> словами Киркегора, родствен поискам доказательств “бессмертия души”» [4]. Это утверждение также выдает опору на эстетическую точку зрения, здесь даже лексика в духе киркегоровского эстетика: *интерес* – понятие интереса не совместимо ни с учением Киркегора о подлинном существовании, ни с его концепцией этической и религиозной стадий; *поиски доказательств “бессмертия души”* – сама формулировка противоречит киркегоровской убежденности, что к Богу и вере возможен только иррациональный прорыв.

Наиболее адекватно, на наш взгляд, проходит сопоставление Киркегора и Лермонтова в интересной содержательной статье «Кьеркегор и Лермонтов в контексте постромантизма» [5] А.Г. Овчинникова. Исследователь выявляет экзистенциальный смысл «мотива соблазнения», в основе которого лежит сближающий героев конфликт с миром обыкновенных людей, властью «общего», обыденного. Постромантические взгляды Киркегора и Лермонтова отразились на особенностях изображения известных еще романтикам архетипов Художника (Йоханнес) и Героя (Печорин), экзистенциальные сознания которых предстают в «Дневнике» и «Журнале» по преимуществу автономными в силу их уникальности и враждебности по отношению к миру обыденности, однако (что характерно уже для эпохи постромантизма) они оказываются «разомкнутыми для различного рода понимания» [5, 127], поскольку сами воспринимаются только «на границах» сознаний других героев (у Кьеркегора это редакторы и издатели, прочие авторы-герои, у Лермонтова – издатель-повествователь, рассказчик Максим

Максимович); тем самым произведения лишаются «финализма», «суммирующего итога» [5, 126].

Полемика вокруг образа Печорина разгорелась давно, но до последнего времени все же превалирует традиция, заложенная В.Г. Белинским, видеть в персонаже положительного героя с романтической окраской.

Попыткой показать «другого» Печорина была предпринята, как известно, А.М. Марченко в статье «Печорин: знакомый и незнакомый» [3]. Вопреки традиционной трактовке, во многом ориентированной на восторженный отзыв В.Г. Белинского («почти апологию Печорина» [3, 162]), А.М. Марченко обнаруживает в романе иронический взгляд автора на главного героя. Во многом Печорин проигрывает прямодушному, скромному и мужественному Максиму Максимычу, который вызывает искреннее уважение и сочувствие, отношение же автора к главному герою скорее насмешливо-ироническое, особенно если речь идет о «Журнале Печорина», где герой рассказывает о себе самом, сам себя оценивает и всячески старается подать себя в выгодном свете, заинтриговать собой, подчеркивая свой демонизм, окружая себя таинственными недомолвками. Однако Печорин не раз как бы «проговаривается», что и позволяет судить о герое достаточно объективно.

Привлекая материалы черновых набросков «Героя нашего времени», незаконченного лермонтовского романа «Княгиня Лиговская» и популярного в сороковые годы XIX века романа Е. Хамар-Дабанова «Проделки на Кавказе», исследовательница выводит на первый план такие черты персонажа, как «недозрелость души», «инфантильность», «отсутствие интересов, приличных не мальчику, а мужчине в поре первой, тридцатилетней возмужалости» [3, 180], обостренное самолюбие, светское эстетство, зависть к чужим успехам. Опираясь на аргументы, высказанные Б.Т. Удодовым, А.М. Марченко доказывает, что не только «Тамань» (как это принято считать), но и «Фаталист» создавались как самостоятельные произведения. Позднее, включив их в состав романа «Герой нашего времени», Лермонтов отождествил их центрального персонажа с Печориным. Именно поэтому возник диссонанс между «серьезным» философом Печориным «Фаталиста», и Печориным – изнеженным светским денди «Княжны Мери».

Возражая А.М. Марченко, А.М. Ранчин в статье «К истолкованию романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Печорин: герой или антигерой времени?» [7] пишет о неординарности и неоднозначности образа Печорина: «Поэтика его

образа такова, что допускает различные и даже взаимоисключающие интерпретации и позволяет обнаруживать в нем и романтическую тайну и глубину, и иронию над романтическими штампами; позволяет даже порой усомниться в искренности, в ненаигранности его страданий. Такое «сосуществование» противоположных толкований характерно для лермонтовского творчества в целом. Обычно оно выражается в противоположном осмыслении одних и тех же антитез, контрастов» [7].

Однако такое сосуществование противоположных толкований можно объяснить иначе, опираясь на киркегоровскую концепцию трех стадий человеческого существования. Образ жизни и отношение к любви, дружбе, страстям, рассудку, смерти, времени, вечности, религии, наконец, к самому себе действительно роднят киркегоровского эстетика с лермонтовским Печориным и лирическим героем стихотворения «И скучно, и грустно», а также, в целом, с тем поколением тридцатых годов, чей безрадостный портрет показан в философской медитации «Дума».

Типичные эстетики, писал датский философ, «понимают под наслаждением жизнью удовлетворение всех своих желаний» [2, 132]. Другие люди для эстетика – лишь материал для собственных экспериментов в погоне за наслаждениями, дающими иллюзию наполненности бытия. Периоды возбуждения в погоне за наслаждениями, которые может дать жизнь (исполнение желаний, любовь, страсти, интеллектуальные удовольствия, дружба), быстро сменяются периодами упадка, душевной немощи, равнодушия, скуки.

Главный герой романа М.Ю. Лермонтова мог бы раскрыться иначе (адекватно лермонтовскому замыслу), если бы литературоведы учитывали, что отношение Киркегора к эстетизму было далеко не однозначным, так же, как к подобному явлению у Лермонтова: герой мог вызывать восторг, увлекать своей ярко выраженной индивидуальностью, незаурядностью своего мышления, глубиной и утонченностью чувств, образом жизни, бескомпромиссным критическим отношением к действительности, особенно если повествование велось от лица самого эстетика, однако нельзя забывать об иронии по отношению к самому эстетике, которая обнаруживается в повествовании от лица персонажей, представляющих этическую точку зрения. Неоднозначное отношение к Печорину было заложено Лермонтовым уже в названии романа, в котором слово «герой» имело не только буквальное значение, но и скрывало иронию автора по отношению к псевдогерою, не совершающему ничего героического, проматывающему свою

Т.Б. Зайцева

жизнь на любовные приключения, претендующему на роль вершителя судеб и нередко оказывающемуся лишь марионеткой в руках судьбы. С другой стороны, экзистенциальное отчаяние, переживаемое Печориным, действительно, ставит его выше толпы, выше обывателя (но не выше общечеловеческого). Киркегоровская концепция трех стадий человеческого существования, на наш взгляд, позволяет связать, казалось бы, несовместимые вещи: авторское восхищение героем (его экзистенциальным потенциалом) и авторское ироническое (вплоть до отрицания) отношение к герою, вызванное ироническим отношением к эстетизму в киркегоровском духе со стороны самого Лермонтова.

Киркегоровский многосторонний анализ человеческой экзистенции предполагал освещение разных экзистенциальных позиций не только «изнутри», но обязательно в столкновении с другими экзистенциальными модусами, с другими внешними точками зрения, что не позволяло абсолютизировать ни одну из возможных экзистенциальных позиций. По сути с подобным подходом мы встречаемся в романе Лермонтова: люди и события представлены с разных экзистенциальных точек зрения (Автор, Повествователь-путешественник, Максим Максимыч, сам Печорин), эстетическая экзистенция рассматривается «изнутри» и «снаружи».

Подчеркнем, что философия датского мыслителя и писателя является для нас «точкой опоры», своеобразной теоретической базой и одновременно объектом сопоставления, что и позволяет обнаружить в творчестве Лермонтова особый тип философствования или мироотношения, философскую или культурную парадигму, и одновременно неповторимые особенности индивидуального переживания бытия.

Литература

1. Зайцева, Т. Б. Чехов и Киркегор: к вопросу о типологических и генетических связях / Т. Б. Зайцева // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 1. – М., Магнитогорск, Новосибирск, 2012. – С. 265–274.
2. Кьеркегор, С. Наслаждение и долг / Сёрен Кьеркегор; пер. с датск. П. Ганзена. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. – 416 с.
3. Марченко, А. М. Печорин : знакомый и незнакомый / А. М. Марченко // «Столетия не сотрут...» : Русские классики и их читатели. – М.: Книга, 1998. – С. 161–222.
4. Мильдон, В. Лермонтов и Киркегор : феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели / В. Мильдон // Октябрь. –

2002 – № 4. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2002/4/mil.html>

5. Овчинников, А. Г. «Дневник обольстителя» С. Кьеркегора и «Журнал Печорина» М. Ю. Лермонтова в контексте постромантизма / А. Г. Овчинников // Романтизм vs реализм : парадигмы художественности, авторские стратегии : сб. науч. ст. : к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 111–129.
6. Перемиловский, В. В. Лермонтов / В. В. Перемиловский. – Харбин; Прага, 1941. – 58 с.
7. Ранчин, А. М. К истолкованию романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / А. М. Ранчин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/philology/37114.php?ELEMENT_ID=37114

TO THE QUESTION “LERMONTOV AND KIERKEGAARD”

T. B. Zaitseva

Abstract

The author of the article suggests a new view on Lermontov's prose. The methodology of analysis is based on Kirkegorovsky's Anthropology. The results of this research outline the perspectives of studying the theme «Lermontov and Kierkegaard» and Lermontov's works.

Key words: Lermontov, Kierkegaard, Literary Anthropology, Aesthetic of Existence